

А. В. Чевардин

ПОЛЬСКАЯ ССЫЛКА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940 – 1941 гг.

После вступления Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии эти земли в короткий срок должны были превратиться в районы с едиными для СССР законами и бытом. Так как они длительное время существовали в рамках другого государственного образования, а некоторые, такие как Галиция, вообще никогда не входили в сферу российского влияния, власти с особым вниманием отнеслись к политике насаждения нового порядка. В первую очередь необходимо было решить вопрос о старой польской элите — чиновниках, интеллигенции, военных, коповцах, осадниках и т. д.

Уже осенью 1939 г. во время заседаний народных собраний Западной Украины и Белоруссии прошли манифестации с лозунгами об изгнании «злейших врагов трудового народа». Примерно в то же время первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Пономаренко направил письмо И. Сталину, в котором аргументировал необходимость проведения депортации антисоветского элемента из западных областей республики.

Исследователи выделяют четыре основных фазы депортации. Решение о каждой операции по высылке населения принимали высшие органы власти СССР. Эти решения не были одномоментными: на протяжении нескольких недель перед каждой депортацией последовательно принимались все более детальные директивные планы¹.

Подготовка первой, самой массовой, депортации началась в октябре 1939 г. (директивы наркомам внутренних дел УССР И. А. Серову и БССР Л. Ф. Цанаве «о работе по осадникам»). А уже 2 декабря 1939 г. нарком внутренних дел Л. Берия отправил письмо И. Сталину с просьбой утвердить мероприятия по выселению осадников с территории Западной Украины и Белоруссии. Через два дня, 4 декабря 1939 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление № П9/158оп, содержащее решение о выселении до 15 февраля 1940 г. всех осадников вместе с семьями, проживающих в Западной Украине и Белоруссии, и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР в северных областях европейской части РСФСР, на Урале и в Сибири².

«Военными осадниками» в Польше называли бывших участников польско-советской войны 1920 г., за хорошую службу бесплатно получивших земельные наделы на восточной границе Польского государства. Кроме «военных», в довоенной Польше были также и «гражданские» осадники — в основном этнические поляки, на льготных условиях купившие земли в Западной Украине или Западной Белоруссии. Архивные документы свидетельствуют, что советское руководство считало данный контингент врагами и пыталось как можно быстрее избавиться от их присутствия на недавно присоединенных землях.

В конце декабря 1939 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) № П111/15 от 21 декабря 1939 г., постановлением Совнаркома СССР № 2085-592сс от 22 декабря 1939 г. и др. было решено после депортации осадников передать принадлежавшую им землю, лошадей, скот и сельхозинвентарь организуемым совхозам и колхозам, а дома использовать для организации школ, больниц, детских ясель, сельских советов, правлений колхозов, для квартир учителей и врачей. 29 декабря СНК СССР утвердил Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР, а также инструкцию НКВД СССР «О порядке переселения польских осадников из западных областей БССР и УССР». Согласно инструкции выселение следовало произвести одновременно по УССР и БССР в день, назначенный НКВД СССР. В это же время в число выселяемых были включены работники польской лесной службы³.

Однако в январе нарком цветной промышленности обратился с просьбой в НКВД СССР о передаче в его ведение 4,5 — 5 тысяч семей осадников. При этом наркомат гарантировал их прием, размещение и трудоустройство. 14 января 1940 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР подготовили соответствующее решение и дополнили список регионов Челябинской и Чкаловской областями, а также северной частью Казахстана.

Последним документом, завершившим подготовительную работу перед высылкой, была утвержденная 17 января 1940 г. Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению спецпереселенцев-осадников, регламентирующая порядок их транспортировки по железной дороге. Отправка должна была производиться эшелонами в составе 55 вагонов для людских перевозок, оборудованных по-зимнему, в том числе одного классного вагона для охраны и медперсонала, одного оборудованного санитолатора, одного вагона-ларька. В каждый вагон должны были помещаться 25—30 человек взрослых и детей с их имуществом. Для громоздких вещей на каждый эшелон надлежало выделять по четыре товарных вагона. На каждый эшелон полагалось 22 человека конвоя, врач, фельдшер, две медсестры. В пути следования спецпереселенцам бесплатно выдавалась один раз в день горячая пища и по 800 граммов хлеба на

человека. Вагоны в пути следовало запирать, во время стоянок на малолюдных станциях начальник эшелона должен был организовывать прогулку спецпереселенцев под наблюдением часовых.

Однако в реальности депортация проходила не так гладко, как было предусмотрено в инструкциях. Сохранились многочисленные воспоминания, рассказывающие о случаях как помощи выселяемым лицам со стороны советских гражданских и военных служащих, так и неисполнения ими инструкций, халатного отношения к своим обязанностям и даже воровства. «То, что могла забрать с собой семья из одежды и продуктов, полностью зависело от лиц, производивших депортацию; одним не позволяли взять ничего, вторые забирали бочки с солониной, велосипеды или швейные машины. Достаточно свободно трактовались списки на депортацию – в одном случае НКВД точно придерживалось их, в другом могло арестовать всех тех, кто в данный момент находился дома, в третьем позволяли заменить одних людей на других»⁴.

В ходе первой депортации 10 февраля 1940 г. было выселено около 140 тысяч человек (51 тыс. из западных областей БССР и 89 тыс. из западных областей УССР). Это были семьи осадников, служащих лесной службы и местных «кулаков». Однако в документах НКВД СССР чаще всего для всех них использовался термин «спецпереселенцы-осадники». Большинство депортированных лиц было поляками (около 80 %), меньшую часть составляли украинцы (9 %) и белорусы (8 %).

Спецпереселенцев-осадников выселили в 17 регионов РСФСР (Архангельская область, Красноярский край, Свердловская область, Коми АССР, Иркутская, Молотовская, Вологодская, Омская области, Алтайский край, Новосибирская, Горьковская, Челябинская, Чкаловская, Ивановская, Ярославская, Кировская области, Башкирская АССР), а также в 4 области Казахстана (Акмолинская, Павлодарская, Семипалатинская и Кустанайская).

Вторая фаза депортаций прошла в апреле того же года. «Вглубь» СССР было отправлено около 61 тыс. человек так называемых административно-высланных: это были семьи репрессированных польских офицеров, полицейских, бывших помещиков, фабрикантов, крупных чиновников и др. Они были размещены в Казахстане в местных колхозах и совхозах. В ходе апрельской депортации выселены также были проститутки, зарегистрированные бывшей польской полицией. Их направили в Казахскую и Узбекскую ССР.

Из архивных документов следует, что советское руководство было озабочено присутствием на территории Западной Украины и Западной Белоруссии большого количества беженцев из центральной части Польши. По данным НКВД на 21 января 1940 г. только в Западной Украине проживало 101 337 человек, пришедших в западные области УССР из

германской зоны оккупации⁵. В основном это были польские евреи, осевшие прежде всего в городах Перемышле (22 тыс. беженцев), Львове (около 25 тыс. чел.), Владимире-Волынском (6 150), Белостоке, Гродно и др. Чтобы не усугубить и без того непростую ситуацию с безработицей, острой нехваткой жилья, недостаточностью продовольственного снабжения, было решено вывезти беженцев в восточные районы БССР и УССР, а также в другие районы Советского Союза. Тех из них, кто изъявил желание выехать обратно на территорию, занятую немцами и не принятых германским правительством, было решено выселить в северные районы СССР для расселения в спецпоселках и использования на различных работах, причем содержание и трудоустройство нового контингента должно было быть по аналогии со спецпереселенцами-осадниками.

Таким образом, в ходе третьей депортации 29 июня 1940 г. было выселено приблизительно 78 тыс. человек беженцев (25 тыс. из западных областей БССР, 53 тыс. из западных областей УССР). Большинство из них составляли евреи (85 %), также были поляки (2,26 %), украинцы (0,24 %) и белорусы (0,16 %)⁶. Эта категория в терминологии НКВД стала носить название «спецпереселенцев-беженцев».

Последняя (четвертая) крупная депортация состоялась в мае — июне 1941 г. Она охватила западные области Украины и Белоруссии, а также Литву, Латвию, Эстонию. Депортированных называли «ссыльнопоселенцами».

Таким образом, за период с февраля 1940 по июнь 1941 г. с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в ходе четырех депортаций было вывезено около 320 – 380 тыс. человек. Основная часть репрессированных была размещена в северной и восточной частях СССР: в 19 регионах РСФСР (северные районы европейской части РСФСР, Урал, Сибирь), 8 областях Казахстана, а также в Средней Азии. Среди административных единиц СССР, принявших спецконтингент, по численности «польской спецссылки» к началу 1941 г. первое место занимала Архангельская область, принявшая почти 55 тыс. польских спецпереселенцев, второе место занимала Свердловская область (27,5 тыс.)⁷.

В феврале 1940 г. в Свердловскую область было направлено 10 эшелонов с 14 тыс. депортированных лиц из Вилейской (со станции Молодечно), Волынской (со станций Владимир, Вороновка), Станиславовской (со станций Калуш, Рогатин, Стрый), Тарнопольской (со станций Зборов, Скалат) и Львовской (со станций Пархач, Хыров) областей. Они доставили спецпереселенцев-осадников до станций Ревда, Худяково, Ошепково, Верхняя, Лобва, Ирбит, Кунара, Надеждинск, Выя, Тавда⁸. После прибытия эшелонов в пункт назначения людей высаживали из вагонов и доставляли на место ссылки уже другими видами транспорта.

Затем, в июле 1940 г., из Брестской (со станции Брест), Барановичской (со станций Столпце, Барановичи) и Львовской (со станции Львов) областей на Средний Урал прибыли «спецпереселенцы-беженцы» на станции Тавда, Дегтярка, Егоршино, Лобва, Выя, Ошепково. Исследователь А. Гурьянов в своей работе говорит о 6 таких транспортах с более чем 7 тыс. человек. В сентябре 1940 г. в Свердловскую область из Новосибирской были переброшены еще 5 тыс. спецпереселенцев-беженцев. Эшелоны с депортированными лицами приходили также в Челябинскую (на станции Кыштым, Бреды, Уфалей и др.), Молотовскую (на станции Менделеево, Усольская, Кунгур и др.) области.

В. Н. Земсков в своей монографии отмечает, что прибывший на высылку контингент осадников и беженцев был по своему составу многонациональным. По данным на 1 апреля 1941 г. в составе 177 043 спецпоселенцев, на которых имелись сведения о национальной принадлежности, поляки составляли 54,6 %, евреи — 33,3 %, украинцы и белорусы — 10,4 % и прочие — 1,7 %⁹.

По уральским областям имеются следующие данные: на лето 1941 г. в Свердловской области этнические поляки составляли чуть менее половины репрессированных — 48,8 %, польские евреи — 42,5 %, украинцы — 6 %, белорусы — 1,7 %, немцы — 0,23 %. Причем среди спецпереселенцев-беженцев евреи составляли подавляющее большинство — 86 %.

В Челябинской области ситуация была несколько иной: из общего числа спецконтингента (2 172 чел.) 67 % составляли поляки, 19,7 % — евреи, 0,73 % — украинцы, 11,7 % — белорусы. В Молотовской области этнические поляки в процентном соотношении еще более доминировали над остальными группами депортированных лиц: поляки — 74 %, евреи — 12 %, украинцы — 7,6 %, белорусы — 3,7 %, немцы — 0,17 %.

В отличие от «административно-высланных» и «ссыльнопоселенцев», размещенных в советских колхозах или небольших городах, спецпереселенцы-осадники и беженцы были помещены в специальные поселения (спецпоселки), находившиеся на некотором расстоянии от близлежащих населенных пунктов.

Таким образом, в СССР на 1 апреля 1941 г. существовало 312 спецпоселков для спецпереселенцев-осадников. Больше всего их было в Архангельской области — 93 поселка (38 622 чел.), затем шел Красноярский край — 44 поселка (13 339 чел.) Третье место по численности данного контингента лиц занимала Свердловская область — 28 поселков с 13 562 чел. (по другому источнику — 26¹⁰). Из них мужчин — 3 877 чел., женщин — 3 972 чел., детей 14—16 лет — 940, детей до 14 лет — 4 773 человека. Всего 2 819 семей¹¹.

Поселки со спецпереселенцами-осадниками располагались в 15 районах Свердловской области. В шести районах данный контингент состав-

лял более чем по 1 тыс. человек: в Ревдинском (1 704 чел.), Ирбитском (1 274 чел.), Серовском (1 208 чел.), Красноуральском (1 179 чел.), Пышминском (1 100 чел.) и Березовском (1 037 чел.). Далее шли Исовский (983), Режевской (944), Кушвинский (859), Верхнетавдинский (800), Таборинский (753), Новолялинский (702), Сухоложский (465), Тугулымский (459), Верхотурский (209) районы. В остальных регионах Урала спецпереселенцев-осадников было меньше: к примеру, в Челябинской области существовало 2 поселка (1 653), в Молотовской — 20 поселков (9 040 человек).

В СССР на 1 апреля 1941 г. существовал 251 спецпоселок для спецпереселенцев-беженцев. Более всего их было в Новосибирской области (75 спецпоселков, 16 437 чел.), затем шли Архангельская область (54 спецпоселка, 12 322 чел.) и Коми АССР (34 спецпоселка, 8 818 чел.). Четвертое место по количеству спецпоселков и третье место по численности контингента занимала Свердловская область (31 спецпоселок, 13 140 человек)¹²: из них мужчин — 4 835 чел., женщин — 4 664 чел., детей от 14 до 16 лет — 569 чел., детей до 14 лет — 3 072 чел. Всего 4 127 семей.

Спецпоселки со спецпереселенцами-беженцами располагались в 17 районах Свердловской области. В четырех районах их численность весной 1941 г. превышала тысячу человек: это Серовский (3 069), Ревдинский (2 347), Таборинский (1 074), Асбестовский (1 067) районы. Затем шли Верхнетавдинский (739), Пышминский (592), Гаринский (550), Ивдельский (530), Красноуральский (495), Березовский (485), Тугулымский (446), Новолялинский (366), Алапаевский (361), Сухоложский (352), Ачитский (319), Исовский (187), Кушвинский (154 чел.) районы¹³. В Челябинской области находился один спецпоселок для спецпереселенцев-беженцев (519 чел.), в Молотовской — 3 спецпоселка (1 504 чел.). Таким образом, Свердловская область к началу 1941 г. стала местом проживания около 27 тыс. бывших польских граждан, живших в 59 спецпоселках, рассеянных по всей территории.

Согласно Положению о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР¹⁴, спецпоселки для спецпереселенцев-осадников должен был организовывать НКВД СССР — из расчета от 100 до 500 семей на один поселок. Отвод жилых помещений и коммунально-бытовое обслуживание надлежало осуществлять Наркомлесу СССР — по нормам, установленным для рабочих лесной промышленности, предоставляя каждой семье спецпереселенцев отдельную комнату или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м жилой площади на человека. Однако на практике, особенно в первое время, часто в одной комнате барака проживали 2—3 сосланных семьи. Все

трудоспособные спецпереселенцы-осадники обязаны были работать на предприятиях Наркомлеса или других организаций.

Во многих спецпоселках существовала должность коменданта барачков, назначаемого из числа прибывших. Его обязанности: вести списочный учет рабочей силы и следить за выходом на работу, за санитарным состоянием барачков и принимать меры к ликвидации антисанитарии, обеспечивать столовую и магазин дровами, продуктами, вести необходимый ремонт жилых помещений, предупреждать возможные побег спецпереселенцев¹⁵.

В каждом спецпоселке надлежало организовать поселковую комендатуру НКВД в составе от трех до пяти сотрудников: комендант и два — четыре участковых уполномоченных милиции. В районе создавалась районная комендатура НКВД в составе трех сотрудников: районный комендант в должности оперуполномоченного райотдела НКВД, его помощник и делопроизводитель-статистик. Расходы на содержание и функционирование районных и поселковых комендатур покрывали сами спецпереселенцы, у которых автоматически по этой статье могли снять до десяти процентов месячного заработка¹⁶.

На комендатуры возлагалось административное управление спецпоселками. Поселковому коменданту вменялось в обязанности следить за соблюдением установленного порядка (правила внутреннего распорядка должен был утверждать начальник ОИТК УНКВД), наблюдать за точным выполнением договоров между ОИТК УНКВД и предприятиями Наркомлеса о трудовом использовании спецпереселенцев, систематически проверять наличие спецпереселенцев, осуществлять их персональный учет — заполнять персональные карточки и вести алфавитную книгу семейного учета, принимать необходимые меры к предупреждению побегов, розыску и задержанию беглецов, производить регистрацию актов гражданского состояния, принимать заявления и жалобы спецпереселенцев и, при невозможности разрешения их на месте, пересылать их в ОИТК УНКВД.

Согласно тому же Положению о спецпоселках, спецпереселенцы-осадники и их семьи не имели права выезда за пределы административных районов вселения. Отлучка из спецпоселка или с места работы на время более 24 часов, а также переселение в пределах спецпоселка из одного барака в другой допускались только с разрешения поселкового коменданта. За нарушение установленного в спецпоселках порядка, недобросовестное отношение к государственному имуществу, нарушение трудовой дисциплины и прогулы поселковый комендант имел право налагать штраф до 25 рублей или подвергать спецпереселенцев аресту на срок до пяти суток. Районный комендант мог налагать штраф до 50 рублей и применять арест на срок до десяти суток. За более серьезные про-

ступки спецпереселенцев надлежало привлекать к административной или уголовной ответственности на основании предварительного расследования, проведенного комендантом.

Таким образом, для обслуживания контингента спецпереселенцев в Свердловской области было создано 12 районных и поселковых спецкомендатур, в которые было направлено на работу 12 районных и 56 поселковых комендантов со статистами, уполномоченными и другими служащими. «Из них членов ВКП(б) 58 чел., кандидатов ВКП(б) 8 чел., членов ВЛКСМ 3 чел. Беспартийных нет»¹⁷.

Контингент, находившийся в ведении созданных спецкомендатур, четко делился на две категории: спецпереселенцы-осадники и спецпереселенцы-беженцы. Эти две группы депортированных различало не только время прибытия в Свердловскую область, отдельные для двух групп спецпоселки или существенные отличия в национальном составе, но и отношение к ним советской власти. Она считала беженцев, в большинстве своем евреев, интернированными эмигрантами, которых необходимо было вывезти из западных областей по перечисленным выше причинам, а также из-за антисоветских настроений, начинавших появляться у этой группы населения после перехода на советскую территорию. Поэтому «беженцы» имели некоторое преимущество при вселении в более благоустроенное жилище, в снабжении продовольствием, зимней одеждой, нежели «осадники». Последние трактовались сторонниками «старой панской Польши», врагами советской власти, потенциальной «пятой колонной» Советов в Западной Украине и Белоруссии. Это являлось одной из главных причин того, что у осадников смертность была в несколько раз выше, чем у беженцев.

Более высокая смертность среди осадников объяснялась также и тем, что это были сельские жители, традиционно более бедные, нежели горожане. Средняя семья осадника составляла 5 человек: отец, мать и в среднем трое детей, которых нужно было кормить и одевать. У беженцев, городских жителей с довольно высоким образовательным уровнем, семьи были значительно меньше — 3 человека. К тому же часто у осадников не оставалось родных на местах их бывшего жительства. Беженцы же получали большое количество посылок, деньги от родственников, находившихся в западных областях СССР. Кроме того, беженцы могли взять с собой больше денег, драгоценностей, одежды для обмена на питание у местных жителей. В отличие от осадников, работавших на физически тяжелых работах, при этом недоедавших, беженцы не всегда успешно, но добивались обеспечения их работой по специальности: врачами, ветеринарами, учителями и т. д.

По подсчетам А. Гурьянова, на Урале (Свердловская, Челябинская, Молотовская, Чкаловская области и Башкирия) от даты прибытия и до

1 июля 1941 г. по данным НКВД умерло 1 212 спецпереселенцев-осадников (всего по СССР — 10 864 чел.) и 197 спецпереселенцев-беженцев (всего по СССР — 1 615 чел.). Процент смертности для осадников по Уральскому региону составил 7,2 %, для беженцев — 1,4 %. Таким образом, годовой коэффициент смертности для осадников был 5,4 %, для беженцев — 1,9 %. Для сравнения: данный показатель по Советскому Союзу в 1939 г. составлял 1,7 %¹⁸.

На смертность влияли также условия пребывания в местах расселения. Подавляющая часть спецпоселков создавалась в безлюдных местах, часто не пригодных для жизни. Недавние жители Западной Украины и Белоруссии с трудом привыкали к более суровому климату и окружающей их среде. По воспоминаниям очевидца, спецпоселок Озерки в Таборинском районе Свердловской области был создан на болоте, где было невероятное количество комаров и гнуса. Помимо этого, польские граждане впервые столкнулись с новой — советской — действительностью, что также было нелегким испытанием для людей, живших до недавнего времени в условиях капитализма. То, что для советского человека было нормальным, обычным явлением, для бывших польских граждан было удивительным и зачастую ненормальным: дефицит продуктов питания и промышленных товаров, советское мировоззрение, образ жизни и т. д.

В большинстве мест расселения бытовые условия спецпереселенцев были тяжелыми и не соответствовали инструкциям. По словам очевидца Казимира Омахеля, высланного с семьей на поселение неподалеку от деревни Ницинское в Ирбитский район Свердловской области в конце февраля 1940 г., спецпоселок представлял собой участок земли, окруженный густым лесом, подходившим вплотную к постройкам. Там стоял дом для коменданта поселка, дом для вольнонаемных работников, столовая, магазин, школа, столярная мастерская, контора леспромхоза, лесопильня. Для спецпереселенцев-осадников были построены два барака, в которых явно не хватало места для всех прибывших. Пришлось впоследствии сосланным полякам строить третий барак, чтобы разгрузить уже существующие. Условия жизни в бараках были антисанитарными: во мху между бревнами жили клопы, блохи, не дававшие спать. У людей были вши, так как не было возможности нормально помыться из-за отсутствия мыла и бани¹⁹.

О сложных бытовых условиях высланных лиц свидетельствуют и документы, хранящиеся в ГАРФе, в фонде Отдела трудовых и специальных поселений (ОТСП) ГУЛАГа НКВД СССР. Согласно Отчетному докладу об административном обслуживании, трудовом использовании спецпереселенцев осадников и беженцев по Свердловской области по состоянию на 1 января 1941 г.²⁰, на востоке области, в спецпоселке, прикрепленном к Верхнетабдинскому лесокомбинату, к январю 1941 г. все

еще не функционировал водосточник, а в некоторых квартирах спецпереселенцев не вставили теплые рамы. Электроосвещения не было вообще, а керосиновыми лампами было снабжено только 90 из 196 семей. В Ирбитском районе были часты перебои с питанием, а некоторые спецпереселенцы не имели даже посуды для приготовления пищи. В Режевском районе ощущалась острая нехватка помещений для размещения контингента. В Сухоложском районе в 15 квартирах не было «вьюшек, табуреток... ламп, спецпереселенцы приспособливают светильники из бутылок, но большинство сидят впотьмах». На севере области, в Серовском районе, «в поселках из-за недостатка продуктов налицо случаи недоедания и заболеваний на этой почве»; «Особенно острый недостаток в заводе хозобихода: кастрюли, тарелки, ложки, лампы, стекла. Спецпереселенцы в большинстве своем пищу приготавливают в консервных банках»²¹.

Но депортированных лиц на Урале ждали не только новые условия жизни, но и новая трудовая деятельность в общем для всех деле строительства социализма. В целом по стране подавляющее большинство спецпереселенцев-осадников использовалось в лесной промышленности на лесоразработках (77,1 % — по данным на 1 апреля 1941 г.), остальные были трудоустроены на предприятия цветной (11,7 %) и черной (1,5 %) металлургии, на стройках и в производстве системы НКВД (2,2 %) и т. д.

В Свердловской области из 5 505 трудоспособных осадников (данные на 1 апреля 1941 г.) 57 % (3 126 чел.) работало на предприятиях Наркомлеса (Серовский химлесхоз, Свердловлес, Верхнетавдинский лесокombинат, Свердловлесдрев, Свердловлес, Химлессырью), а 33 % (1 863 чел.) трудилось на предприятиях Наркомцветмета (Уралзолото, Березовзолото, Красноуралмедьруда, Главмедьруда), остальные использовались иными ведомствами: Уралтяжстрой Наркомстроя (91 чел.), Севураллаг НКВД (298 чел.), Артлес Наркомбоеприпасов (125 чел.), облздравотдел Наркомздрава (2 чел.). В Челябинской области все спецпереселенцы-осадники, находившиеся на территории данного региона, «принадлежали» Карабашскому рудоуправлению.

Следует отметить, что власти на местах были в целом довольны их работой. В уже упомянутом Отчетном докладе об административном обслуживании, трудовом использовании спецпереселенцев сказано, что трудоспособные мужчины-осадники используются на работах полностью, за исключением 44 человек ввиду отсутствия теплой одежды и обуви. «Из числа трудоспособных женщин по области не занято на работах 934 чел. Причина нетрудоиспользования объясняется — беременностью, детьми, отсутствием детучреждений, отсутствием вблизи местожительства работ (Севураллаг — 121 чел.), отсутствием теплой одежды, обуви». Далее автор доклада резюмирует, что «отношение к работе спецпереселенцев-осадников по всем районам ссылки — удовлетворитель-

ное... Совершенно другой характер носит вопрос трудоустройства беженцев, отдельная часть этого контингента к производству относится недобросовестно, трудно поддается освоению, производительность труда довольно на низком уровне»²².

Из 5 505 трудоспособных беженцев, находившихся в Свердловской области, на работах Севураллага НКВД использовалось 1 462 чел. (26,5 %), в Наркомстрое — 1 051 чел. (19 %), в Наркомлесе (Свердлес, Свердлеспродторг, Химлессырье и др.) — 996 чел. (18 %), в Наркомчермете (Уралруда, Серовлесдревмет) — 900 чел. (16 %), в Наркомцветмете (Красуралмедьруда, Уралзолото) — 402 чел. (7 %), в Наркомбумпроме — 162 чел. и т. д. В Челябинской области беженцы трудились при Челябингуме и Уралжилстройконторе²³.

В западной и южной частях области спецпереселенцы нередко использовались на работах в горно-рудной промышленности. К примеру, в тресте «Березовзолото» (г. Березовский) в окрестностях областного центра работало 353 осадника, из них катаями в шахтах — 73 чел., забойщиками — 29 чел., сортировщиками — 25 чел., чернорабочими — 144 чел. и т. д. Все выполняли, а большинство и перевыполняли нормы выработки.

Таким образом, по данным польского историка П. Жароня, к 1941 г. в советской экономике трудилось около 165 тыс. бывших польских граждан, выселенных из западных областей СССР. Из них примерно 115 тыс. работали в промышленности, а 50 тыс. в сельском хозяйстве. «Более 12 тысяч поляков были стахановцами»²⁴.

Люди, работавшие на предприятиях, получавшие зарплату, хлеб, менявшие свои вещи, одежду на еду у местных жителей, могли как-то выживать в условиях ссылки. Постепенно спецпереселенцы приспосабливались к новой жизни и даже обзаводились хозяйством. По инициативе властей или самих поселенцев в спецпоселках начинали высаживать овощи, картошку.

Большим подспорьем для спецпереселенцев был посылки, получаемые ими из западных областей от родственников, не подвергшихся депортации. Спецпереселенец П. П. Высоцкий, высланный в феврале 1940 г. в пос. Дегтярка Ревдинского района Свердловской области, говорил на допросе сотруднику НКВД: «Я работал в шахте «Большевик» лесовозом, заработок мой был маленький. Я получал на 4 человека семьи от 150 до 300 рублей в месяц и денег на покупку жиров у меня не было... Поэтому кто-то из членов моей семьи... писали в Западную Белоруссию отцу моей жены... чтобы он присылал нам в посылках жиры, что он и делал. Присылал нам сала, масла и колбасу»²⁵.

Некоторые спецпереселенцы добывали часть своего пропитания с помощью воровства. Таких людей нередко находили, судили, садили в

тюрьмы и лагеря. Другие ходили по домам местных жителей и просили что-нибудь из еды. Так, бывший трудпоселенец поселка Хомутовка С. К. Швалев вспоминает, что недалеко от их места жительства в сторону поселка Динас в лесу жили высланные поляки, ходившие по Хомутовке и прошившие помочь с едой. Его мать часто давала им молоко, хлеб, яйца и т. д.

Часть польских переселенцев, несмотря на голод и тяжелые условия высылки, помнила о своей вере. Известно, что в июле 1940 г. на спецпоселке дегтярского рудника Ревдинского района Свердловской области был арестован Альфред Карлович Яворский, 1896 г. р., уроженец местечка Добра Лимановского уезда Краковской губернии, впоследствии первое доверенное лицо польской делегатуры в данном районе. От завербованных сотрудниками НКВД в поселке людей стало известно, что весной 1940 г. А. К. Яворский ходил по комнатам барака № 17 на промплощадке и приглашал спецпоселенцев принять участие в коллективном молении. Кроме того, А. К. Яворский в спецпоселке собирал деньги в пользу католической церкви. Он ходил по баракам с подписным листом, в котором записывался человек, давший деньги, а также сумма пожертвования. Однако арестовали А. К. Яворского после другого случая, произошедшего на его месте работы летом 1940 г. Свидетель Л. Е. Гордабутских рассказывал: «3 июля 1940 г. все отказавшиеся от подписки и не давшие при подписке двухнедельного заработка взаймы государству, были собраны на территории старого зайловочного завода, где начальник технического отдела рудоуправления тов. Шевченко Г. Н. провел беседу о международном положении и о значении займа, после чего здесь же начали проводить подписку на заем. Присутствующие рабочие... на заем подписались. При разговоре с Яворским о подписке, последний в присутствии меня и Шевченко заявил: "Я военнопленный, я поляк и на заем подписываться не буду. У меня советская власть взяла силой хозяйства примерно на 250 000 рублей, а добровольно я ничего не дам, хватит с нее и этого, что у меня взяли"»²⁶. В октябре 1940 г. ОСО НКВД СССР приговорило А. К. Яворского к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Однако по амнистии польским гражданам в августе 1941 г., после начала советско-германской войны, он был выпущен на свободу и вернулся к семье в спецпоселок.

Следует констатировать, что перед самой войной в начале июня 1941 г. органам НКВД на местах было приказано активизировать свою работу, расширить вербовку среди спецпереселенцев (приказ № 00734/00219 от 5 июня 1941 г.). В данный период возрастает число арестов среди жителей не только спецпоселков, но среди беженцев из западных областей УССР и БССР, добровольно прибывших на Урал перед войной в поисках работы. В июне — июле 1941 г. только в Ревдин-

ском районе арестовано по неполным данным 9 человек спецпереселенцев (П. П. Высоцкий, И. А. Кушель, К. И. Хойницкий, З. Э. Юревич, В. Ю. Высовский, И. Ф. Стольский, Б. И. Шабуня, К. И. Дроздовский, А. И. Дроздовский), но все они были амнистированы в августе 1941 г. Можно предположить, что по области в период с июня по декабрь 1941 г. было арестовано около 40—50 человек.

Большие перемены в жизнь спецпереселенцев внесла Великая Отечественная война. После нападения Германии на СССР в июне 1941 г. в польском эмигрантском правительстве возникла мысль начать переговоры с Москвой для заключения двустороннего договора. 30 июля 1941 г. был подписан подготовленный проект договора, вошедший в историю как Договор Сикорского-Майского. Одним из условий соглашения было освобождение репрессированных и пленных польских граждан.

12 августа 1941 года советское правительство амнистировало всех польских граждан, репрессированных в период 1940—1941 гг. Таким образом, бывшие граждане Польши из «врагов» советской власти стали официально ее союзниками. Польским спецпереселенцам по всему СССР в августе — сентябре были выданы удостоверения, гласившие, что данный человек «амнистирован как польский гражданин и имеет право временного проживания на территории СССР, за исключением пограничной полосы, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и второй категории». Официально ссылка закончилась, с этого момента спецпереселенцы были свободными людьми и могли свободно выехать за пределы спецпоселка.

У многих поляков, находящихся в спецпоселках, появилась надежда на скорое возвращение домой. По данным местного НКВД, со дня прибытия в Свердловскую область до 22 июня 1941 г. из спецссылки бежало 159 спецпереселенцев, из них было задержано 88 человек. Однако с начала Великой Отечественной войны побегі вообще прекратились²⁷.

После объявления амнистии начались перемещения бывших спецпереселенцев по территории СССР. Свердловская область стала одним из тех мест, куда по своему выбору могли приехать польские граждане, выпущенные из лагерей Архангельской области. Здесь они устраивались на работу подчас на места тех людей, которых призывали в Красную армию защищать страну осенью 1941 г. Таким образом, осенью 1941 г. в город Камышлов Свердловской области попало 6 поляков, освобожденных из Каргопольлага (К. К. Пшистов, Е. Ф. Стеч, П. С. Левандовский, М. А. Сирота, А. Я. Бадовский, В. Г. Касперович). Все они устроились на работу на предприятия пищевой промышленности города.

В это же время в Свердловскую область переезжали на временное местожительства и бывшие спецпереселенцы. После того, как осенью 1941 г. было объявлено о создании на территории Советского Союза ар-

мии Андерса, многие молодые люди из спецпоселков поехали в места ее дислокации. Только осенью 1941 — зимой 1942 г. в места расположения Войска Польского выехало 45 человек из спецпоселка Крутиха Режевского района, а из поселка Озеро того же района — «большое количество» людей. К тому же многие семьи спецпереселенцев отправились в южные районы СССР, решив, что там будет легче с едой и проживанием.

Однако большинству спецпереселенцев ехать было некуда. На родину попасть они не могли, так как она была оккупирована немцами и находилась за советско-германским фронтом, а в польскую армию брали людей, годных к воинской службе. Поэтому часть выселенных лиц осталась в спецпоселках. Таким образом, к концу 1942 — началу 1943 г. на территории Свердловской области оставалось около 13 тыс. лиц данного контингента.

Военное время в чем-то еще более усугубило положение данной группы спецпереселенцев, что вызывало недовольство части бывших польских граждан. НКВД СССР было принято решение ужесточить режим для оставшихся на местах своего проживания выселенных лиц: были запрещены отлучки спецпереселенцев из поселков и мест работы, всю переписку спецпереселенцев было приказано направлять в Управление НКВД по Свердловской области²⁸. Так что большинство депортированных лиц, оставшихся в Свердловской области до 1944—1946 гг., чувствовало себя примерно в таком же положении, как и до августовской амнистии 1941 г.

В 1944 г. часть выселенных в Свердловскую область польских граждан перевезли в южные районы РСФСР и УССР, а после войны — в Польшу. Другую часть депортированных лиц в количестве 7 тыс. отправили из Свердловской области прямо в Польскую республику в 1946 г.²⁹

¹ См.: Гурьянов А. Введение // Индекс репрессированных. Вып. 14. Польские спецпереселенцы в Архангельской области. Ч. 2. Варшава, 2004. С. 720.

² См.: Там же. С. 721.

³ См.: Там же. С. 725.

⁴ Базан Ч. Ссылные поляки в Нарымском округе во время II Мировой войны // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 417.

⁵ См.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, 1939—1941 гг. Т. 1. Варшава; М., 2001. С. 254.

⁶ См.: Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940—1943. Warszawa, 1999. S. 73, 83.

⁷ Гурьянов А. Введение... С. 718.

⁸ Gurjanow A. Cztery deportacje, 1940—1941 // Karta. 1994. Nr. 12. S. 114, 130.

- ⁹ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М., 2003. С. 87.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Т. 5. Л. 17.
- ¹¹ См.: Там же. Д. 89. Л. 5.
- ¹² См.: Там же. Л. 28.
- ¹³ См.: Там же. Д. 79. Т. 5. Л. 233.
- ¹⁴ См.: Гурьянов А. Введение... С. 720.
- ¹⁵ См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38614. Л. 19.
- ¹⁶ См.: *Stobniak-Smogorzewska J.* Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920—1945. Warszawa, 2003. S. 297.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Т. 5. Л. 17.
- ¹⁸ См.: Гурьянов А. Польские спецпереселенцы в Сибири // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М., 2002. С. 368 (табл. 4).
- ¹⁹ См.: Воспоминания К. Омахеля // *Личный архив А. В. Чевардина*.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Т. 5. Л. 17.
- ²¹ Там же. Л. 27.
- ²² Там же. Л. 19—20.
- ²³ Там же. Д. 89. Л. 45.
- ²⁴ *Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSSR. 1939—1945: Przegląd piśmiennictwa*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1989. S. 241.
- ²⁵ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48295. Л. 16.
- ²⁶ Там же. Д. 38739. Л. 19.
- ²⁷ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 79. Т. 5. Л. 73.
- ²⁸ См.: Там же.
- ²⁹ См.: *Czerniakiewicz J.* Repatriacja ludności polskiej z ZSRR, 1944—1948. Warszawa, 1987. S. 78, 228. (tab. 43).